

Ираклий АНДРОНИКОВ

ДВА ПИСЬМА ДРУГУ

Вступая в Новый год, вспоминаю тебя, дорогой Павел Григорьевич,— с любовью, с благодарным и благородным чувством. Не более больше, сделай милость, но выпускай побольше прекрасных книг о путях поэтов. Никто, как ты, не довел сплав острой мысли, глубокого и необыкновенно живого ощущения поэзии, публицистической страсти и дневниковой простоты изложения до такого накала и до такой неопровержимой точности. Все, что тобою сказано, составляет поэзию в прозе и поэтому неопровержимо, потому что поэзию можно принимать или не принимать, но опровергнуть ее невозможно. Все это окрашено твоей личностью и обладает свойствами доказанной истины. Книга прекрасная. Непринужденная разговорная манера при большой экономии слов, умение оставаться самим собой и никогда не повторяться, способность перевоплощаться в других поэтов и сохранять ту позицию, которую занимает романист по отношению к своим героям, когда может сказать тебе, что герой подумал

или собрался сказать, — делают книгу твою многоступенчатой и очень просторной. Из нее хорошо видны века и литературы и страны. И если к этой высокой вознесенности прибавить, что она сочетается с умением выражать самого себя и видеть сверху детали, то понятно, что читатель оказывается на седьмом небе, откуда все видно — и времена и поступки. Непринужденность формы, свобода ведения рассказа такая, какая бывает в юности, когда разговор вяжется с любого места и может объяснить все на свете. Так о поэзии в наше время не пишет никто — для этого нужно уметь самому писать, думать и говорить, знать, понимать, любить, быть современным из современных и всеми корнями своими уходить в глубь русской и европейской культуры, высказываться без оглядки и без утайки, обладать свободой небрежности и взыскательностью ювелирной, другими словами, обладать качествами редчайшими, неповторимыми, а во многом и несовместимыми в одном человеке, который и поэт, и писатель, и критик, и мыслитель, и комментатор, и просто читатель, отмечающий для себя то, что привлекло его более всего и объясняет, по его мнению, самые сложные секреты поэтического слова. Вот что ты написал и вот кто ты есть! Будь и в Новом году таким же, каким мы тебя знаем и каким не знаем еще, таким же, как мы тебя видим, не желая знать никаких других Павлов Григорьевичей, поскольку высочайшим образом удовлетворены нашим дорогим Антокольским Павлом Григорьевичем. Обнимаем тебя, любим, желаем тебе всего хорошего и большого, поцелуй от меня ручку Зои Константиновны и будь здоров. Вива, дочки желают вам всяческого благополучия, а я остаюсь в прежнем качестве — то есть

всегда твой *Ираклий Андроников*

31 декабря 1965 — 1 января 1966 г.

Дорогой Павел Григорьевич!

Готовился я к твоему юбилею, хотел похвастать, что знаю тебя с 1926 года, вспомнить Лилю Елагину, Макарьевых, те годы, твою постановку «Коварства и любви», и сутки, проведенные у тебя в твоей московской квартире вместе с Фадеевым в 1942 году, и грузинских наших друзей, и твои грузинские переводы, и тебя как создателя жанра портрета наших классических поэтов, —

тебя литературоведа, совмещающего в себе сильные знания, темперамент современника и тонкое историческое чутье, рассказать о себе как о пушкинисте, о твоём участии в пушкинских праздниках, и о блоковской твоей инициативе и понимании этого гения, и о том собирался сказать, что даже и тот, кто формально у тебя не учился, все-таки у тебя неизбежно учится... Хотел сказать о тебе как об исполнителе стихов своих и чужих, о тебе как поэте... Но за полтора часа до начала твоего вечера за мною пришла машина и отвезла меня в клинику Мясникова. Слыша потом, как прошел твой вечер, я еще больше жалею, что не сказал людям то, что собирался сказать и что еще скажу непременно, потому что очень тебя люблю благодарной и нежной любовью.

Прими мои запоздалые поздравления. Обнимаю тебя.

Всегда твой *Ираклий Андроников*.

1976, июль